

#СУМРАЧНЫЙВЕТЕР

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Ждите новых историй...

Альтераты

МИССИЯ ДЛЯ УСОПШИХ

ЕВГЕНИЯ КРЕТОВА

Москва 2023

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К80

Иллюстрация на обложке
Данияра Альжапара

Кретьова, Евгения Витальевна.
К80 **Альтераты. Миссия для усопших / Евгения Кретьова.** — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с. — (Сумрачный ветер).

ISBN 978-5-04-181837-1

У Леры Ушаковой есть дар. Она альтерат, иная, её предназначение — провожать души усопших в потусторонний мир. Но Лера... не знает об этом. Пока не встречает призрака женщины в своей же квартире. Призрак просит о помощи, Лера соглашается помочь, и... граница миров нарушается, её подруги, гадая на зеркалах, попадают в иной мир, а за Лерой охотится злой дух. Он хочет забрать себе её дар, девочку же — уничтожить. Что ж, значит, самое время отправиться самой в мир, спрятанный за зеркалами, и защитить и себя, и друзей!

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-181837-1

© Кретьова Е., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Памяти Егора

Проза

25 декабря

По улице Фестивальной, между домами семнадцать и девятнадцать, стояли два дома, брата-близнеца: облупленная бирюзовая краска, стены в неприличных лохмотьях штукатурки стыдливо хмурились покосившимися карнизами. В одном, хоть и приговорённом к расселению, ещё теплилась жизнь, пульсируя ароматами бабушкиного борща да редким топотом детских ног. Тот, что левее и ближе к проезжей части, уже стоял в ожидании сноса, пялясь на торопливых прохожих пустыми глазницами оконных провалов. Осенние дожди заливали его

нутро, разлетаясь шумливым эхом по безлюдным квартирам, зимняя стужа кралась узкими тёмными коридорами.

Мальчишки из дома напротив рассказывали, что по ночам чёрные прямоугольники окон озарялись бледным гнилушно-зелёным светом. И в нём, они клялись и божились, неистово тараща глаза и выпячивая губы, медленно скользили невесомые тени. Словно искали кого-то.

Гришка Столпов не верил рассказам. В свои одиннадцать лет он уже давно не ждал Деда Мороза, пересмотрел разоблачения всех телевизионных шоу про магов и экстрасенсов и был скорее практикующим скептиком, чем недоверчивым подростком.

— Вот пойдём сегодня к дому, сами всё и увидите, — кривился он, пряча длинные руки в карманы широких, изрядно поношенных брюк. — Нет никаких привидений.

Друзья смотрели на него с восхищением, тревожно вглядываясь в худое веснушчатое лицо.

И тем же вечером, часов около девяти, когда холодные зимние звёзды светят высоко и равнодушно, он притащил их к пустому жутковатому дому. Они устроили засаду в кустах неподалёку.

Окна соседнего, ещё не расселённого брата-близнеца бросали тусклые жёлтые квадратики на лысый неухоженный двор. Гришка посмотрел в небо:

— Луна полная. Если и есть там что — появится.

Альтераты. Миссия для усопших

— Почему? — душно шептали Витька, Крош и Стомыч, Гришкины ближайšie друзья.

— Потому что в полнолуние открываются врата. И ведьмы шабаш устраивают, — деловито пояснил он, устраиваясь удобнее, точно не зная, что такое «врата» и как они «открываются».

А в следующее мгновение в окнах подвала мелькнул неверный серебристо-зелёный свет.

— Видел?! — Крош вытаращил глаза, толкнул Гришку в бок.

Тот скривился:

— Бомжи небось. Пойдём, посмотрим ближе...

И он, пригнувшись, направился к дому. Крош и Стомыч, промывчав что-то невразумительное, остались в кустах. Только Витька выдвинулся вперёд, последовал за другом и замер за углом:

— Гри-иш, не надо. — Сердце бешено колотилось у самого горла, отдаваясь в барабанных перепонках. Он высунулся из своего укрытия почти по пояс, взгляделся в темноту и нерешительно сделал ещё один шаг вперёд.

Гришка лежал ничком, взглядываясь в черноту подвального оконца-отдушины, того самого, в котором недавно мелькнул загадочный огонёк.

— Гри-иш, — снова позвал Витька, оглядываясь на мелькающие за кустами фигуры прохожих.

— Щас-щас, — прошелестел тот, елозя по обледенелой земле.

Он достал из кармана телефон, включил в нём фонарик. Яркий синеватый луч полоснул

по Витькиным глазам, и Гришка направил его внутрь, в черноту подвала.

И в следующее мгновение его душераздирающий крик запутался в неживых ветвях одинокой вербы, рассыпался над заваленным хламом двором. Витька, вжав голову в плечи, замер и, уже не разбирая дороги, падая и поскользываясь на тонком льду, бросился к притаившимся в кустах товарищам. Он успел лишь заметить, как Гриша Столпов выронил телефон, подскочил и опрометью бросился к нему.

В несколько прыжков добравшись до друзей, Витька выскочил на освещённую фонарями детскую площадку соседнего дома, только в этот момент сообразив, что Столпова рядом с ними нет.

— А где Гришка? — задыхаясь и хватаясь за грудь, прохрипел Стомыч.

— За мной бежал, — прошептал Витька и оглянулся в пустоту: в квадратных глазницах брошенного дома бродили серо-зелёные тени, бледные гнилушечные блики падали на синий снег. Гришки нигде не было видно.

Помешкав, троица вернулась назад, к дому: Гришки там не оказалось.

— Может, домой убежал...

Витька шагнул к притихшим стенам, включил фонарик телефона.

На углу, аккуратно в том месте, с которого несколько минут назад он выглядывал, что-то темнело. Сердце тоскливо сжалось, предчувствуя беду, ноги сами придвинулись ближе: синяя

Альтераты. Миссия для усопших

куртка, съехавшая набок вязаная шапка в красно-белую полоску, неловко вывернутые ноги.

— Гриш, — тихо позвал Витька и толкнул друга в плечо.

Тот не пошевелился.

Тогда Витьке пришлось наклониться и перевернуть его на спину.

Яркий свет фонарика выхватил бледное лицо в сетке мелких красно-малиновых царапин и замершие в немом крике неживые Гришкины глаза.

Глава 1

Дар

Спустя восемнадцать дней, 12 января

В целом и в частности день сегодня удался. Лера Ушакова с облегчением стянула резинки для волос, которыми были закреплены косички, не расплетая их, перехватила на затылке в один небрежный пучок. Нацепила шапочку для душа — тонкую оранжевую клеёнку с кислотными бабочками на макушке, — включила воду и с удовольствием нырнула под тёплые струи.

Какое блаженство! Девушка зажмурилась, наслаждаясь моментом и улыбаясь собственным мыслям.

Альтераты. Миссия для усопших

Они с мамой переехали в этот дом несколько дней назад. Суетились, хлопотали, чтобы встретить Новый год в новой квартире, о которой давно мечтали. Сколько Лера себя помнила, мечтали. По прежнему адресу остались подруги, хорошая, если не лучшая в округе, школа. Но всегда чем-то приходится жертвовать. Тем более что с подругами она расставаться не собиралась — проехать несколько автобусных остановок в наше время не проблема.

Новое жильё сразу очаровало головокружительным запахом свежей штукатурки и краски, чистотой и устроенностью. Шикарный жилой комплекс, со своим подземным паркингом, многочисленными магазинами, СПА, тренажёрными залами, химчистками. Оборудование в доме и в квартирах — по последнему слову техники: сплошные датчики и тепловизоры. Иногда казалось, что жилец ещё не успел сформулировать своё желание, лишь почувствовал некую потребность, движение мыслей, а всё уже исполнено.

Прекрасный вид на город из панорамных окон в человеческий рост.

Мечта, воплощённая в реальность.

Лера улыбнулась: вспомнила, как мама, еле дыша, бродила по комнатам, кончиком пальца дотрагиваясь то до лакированного столика, то до зеркальной поверхности кухонного гарнитура.

Это было две недели назад.

Сегодня, в последний день каникул, девушка решила сходить в новую школу.

Центр разгрызания гранита науки, в общем, ей тоже понравился. Конечно, не её бывшая школа, но вполне ничего. Она забрала учебники из библиотеки, заодно зашла к классной, познакомиться, так сказать. А у той весь класс. С тортом и газировкой. Валерию представили одноклассникам, от торта она отказалась, на неё уставились, словно на музейный экспонат, но вроде агрессии никто не проявлял. На том знакомство со школой закончилось.

Лера понимала, что ей будет тяжело: ребята вместе учатся с пятого класса. Все возможные и невозможные комбинации кто-с-кем-против-кого дружит уже использованы, все разбились по группкам, не прорвёшься. Да и середина года уже.

«Хотя, — Лера задумалась, — может, это и к лучшему, меньше цепляться будут. Да и вообще, не маленькая уже, как-никак десятый класс».

Девушка намылила лицо. Мягкая ароматная пена скользила по рукам, плечам, приятно успокаивая.

«Вот сейчас помоюсь, разогрею ужин, включу телик, гирлянду на ёлке... Мама придёт, закатим пирушку».

Вода внезапно стала ледяной.

Лера протянула руку, стараясь на ощупь найти переключатель, но струи снова потеплели.

— А ещё борются за звание дома высокой культуры быта,¹ — вздохнула она фразой из из-

¹ Фраза из советской фантастической комедии «Иван Васильевич меняет профессию», реж. Л. Гайдай.

Альтераты. Миссия для усопших

вестного кинофильма советских лет, который мама часто пересматривала, и Лера волей-неволей выучила его наизусть.

Яростно смыла с лица остатки мыла, проворчала:

— Жалобу на них надо написать, коллективную.

И открыла наконец глаза.

Рядом с ней, под струями горячей воды, стояла высокая темноволосая женщина с уставшим лицом и испуганно-удивлёнными серыми глазами. Кажется, незнакомка была не готова к тому, что её заметят.

— Вы кто?! — зашипела Лера, хватаясь одновременно за скользкий кафель и полупрозрачную занавеску с наивными дельфинчиками и пытаясь ею прикрыть наготу.

Женщина шумно выдохнула и выпрыгнула из ванной, в одно мгновение оказавшись за дверью.

— Стой! — заорала Валерия. — Я сейчас полицию вызову!

Она в самом деле решила, что нужно звать на помощь: мало ли кто проник в квартиру вместе с этой ненормальной! Ещё и в ванную к ней забралась, это вообще!

Куда охрана только смотрит?!

Лера сиганула к двери, захлопнула её за незнакомкой, дрожащими пальцами передвинув щеколду. И только тут поняла, что оказалась в западне: телефона с собой нет, позвать на помощь не сможет, предупредить маму — тоже, защититься здесь нечем. Разве что пенкой для

умывания. Да и щеколда эта — так, мелкое недо-
разумение для злоумышленников, а не преграда.
Дверь можно вынести в два счёта. Лера, быстро
натягивая махровый халат, прислушалась.

В квартире стояла мёртвая тишина. Ни шоро-
ха. Ни скрипа. Ни шёпота.

Всё внутри похолодело: получается, там, в ко-
ридоре, тоже прислушиваются.

Лера отпрянула в глубь ванной, в то же мгно-
вение заметив, что ручка легонько дёрнулась,
щеколда соскользнула с петли... и дверь отвори-
лась.

В нос ударил резкий запах гари.

Нет, не такой, когда убегает молоко из ка-
стрюли или подгорает гороховый суп. Это бы-
ла едкая, привязчивая вонь смеси обугленно-
го дерева и пластика. Это был запах большого
горя.

Лера, плотнее кутаясь в халат, осторожно сту-
пила босыми ногами на покрытые рыхлым пе-
плом головешки. Вокруг всё — стены, потолок,
пол — оказалось чёрным от копоти, проёмы про-
горели. Повиснув на покосившихся петлях обуг-
ленными струпами, скрипели покорёженные
картонки дверей.

— Эй! — Жалобный голос девушки пропал
в топкой тишине, в которой было слышно, как
поднимаются в воздух и снова медленно оседают
белёдые хлопья. — Кто здесь?

Лера сделала ещё несколько осторожных ша-
гов.

Альтераты. Миссия для усопших

Это был не её дом. Она ещё ничего не понимала, но могла бы поклясться, что это не её дом, не её квартира.

Девушка стояла посреди жуткого пепелища. Страшным скелетом поверженного великана торчали ещё дымящиеся брёвна, фрагменты перекрытий с выгрызенными огнём кусками. Под ногами хрустели обломки старой черепичной крыши, куски обугленной штукатурки, в углу, на выгоревших дотла досках, лежали почерневшие от сажи кастрюли. Удивительно чистый посреди этого ужаса белый плюшевый медвежонок скорбно смотрел на неё с облупившегося подоконника. Она только сейчас увидела, сколько игрушек вокруг: покоробившиеся от жара пластиковые погремушки, куски яркого тряпья, кукольные глаза-пуговики.

Лера сделала ещё несколько шагов в сторону, чтобы посмотреть, на каком этаже она находится.

Ну, точно, это не её дом: они с мамой купили квартиру на пятом этаже, а это убогое жилище явно находилось на первом. Вон и забор видно покосившийся, и... Лера замерла. Да, их с мамой квартира расположилась на пятом этаже, но вид из их окна до мелочей совпадал с тем, что она видела в эту секунду: серое трёхэтажное здание с малиновой вывеской магазина женской одежды на первом этаже, чуть левее, через перекрёсток, кафе. С той только разницей, что час назад, когда она заходила в подъезд, был январский вечер, а сейчас над знакомыми крышами

утопающего в зелени переулка занималась летняя заря.

Девушка почувствовала движение за спиной и резко обернулась: перед ней снова оказалась та самая темноволосая женщина. Только сейчас она была собрана и даже решительна.

— Где я? — прошептала Лера.

— Мой дом, — прошелестело.

Незнакомка находилась рядом, буквально в метре от неё, говорила чётко, но слышно было так, будто звонила она с Северного полюса. Словно догадавшись, что не услышана, та повторила чуть громче:

— Мой дом.

— Не понимаю, — развела руками Лера. — Как «ваш дом»?

Женщина стояла и молча на неё смотрела, ожидая следующего вопроса.

— Как я здесь оказалась? — Темноволосая отрицательно покачала головой и тяжело выдохнула. Только сейчас Лера поняла, что женщина выглядит очень усталой, измождённой. Её светлое платье, больше похожее на ночную сорочку, было испачкано в саже, худые руки подрагивали, будто от усталости или холода.

Лере стало жаль её.

— Я вам могу чем-то помочь?

Женщина медленно кивнула. Её черты обострились, а взгляд внезапно приобрел ясность. Девушка невольно вздрогнула, увидев неистовую ярость, даже ненависть в этом казавшемся таким милым и несчастным лице. Темноволосая протя-

Альтераты. Миссия для усопших

нула вперёд руку, показывая за спину Валерии, и прохрипела:

— Найди его!

Девушка оглянулась. Недалеко от дымящихся развалин припарковались несколько машин. Около одной из них столпились люди, человек пять, что-то живо обсуждая. Иногда их компании сотрясал истерический хохот. Но незнакомка показывала на одного. Здорового такого мужика. С тяжёлым взглядом и улыбкой бульдога. Это ему заискивающе рассказывали, неистово лебезя и доказывая свою верность. А он устался на белёсые развалины и брезгливо скалился.

— Найди его... — повторила темноволосая.

Лера перевела взгляд на неё.

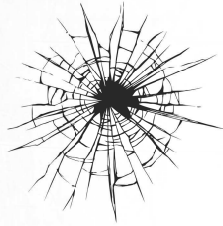
— Почему? Я не хочу этого. — Она понимала, что происходит что-то ужасное.

Вернее, нет, «ужасное» произошло, человек с улыбкой бульдога и эта несчастная, дрожащая от ненависти и бессилия женщина к нему причастны. Они оба связаны на века. Но при чём здесь она, Лера Ушакова?

Её уже никто не слышал. И не спрашивал, хочет ли она, сделает ли то, о чём её просили. Просили? Или приказывали?

Белый пепел поплыл перед глазами, унося с собой вопросы, оставшиеся без ответов. Исчезла незнакомая женщина, толстый боров, изуверченный дом, ворох детских игрушек и скорбный белоснежный медвежонок.

Остался лишь нестерпимый запах гари.

Ромка напрягся и застыл.

С соседней парты его сверлил взглядом Горыныч, Санька тыкал кончиком карандаша в спину.

— Романыч, ты скоро?

Ромка молчал. Ему нужно ещё мгновение, чтобы понять, рассмотреть.

Он зажмурился. Перед ним медленно проявилась полупрозрачная плёнка, на которой голубоватыми светящимися чернилами мелким разборчивым почерком было написано с десятков строк.

Мысленно «сфотографировав» их, он схватил листок в клетку и карандаш и размашисто записал решение. Автоматически, не глядя, протянул руку через проход, и листок мгновенно исчез в липкой от нетерпения Санькиной ладони.

Ромка снова пригляделся к видимому ему одному мерцающему синевой экрану. Задание поменялось, цифры, словно кусочки пазла, переместились и снова встали на свои места. Он опять «сфотографировал» увиденное, ещё раз быстро записал решение на тетрадный листок и передал назад.

Всё.

Он выдохнул и взглянул на часы. 12:40. У него есть тридцать шесть минут, чтобы добраться

Альтераты. Миссия для усопших

до места, где его никто не увидит, никто не достанет.

Не дожидаясь вопросов и новых просьб, он схватил тощий портфель, одним движением смахнул в него ручку и карандаш. И, захлопнув тоненькую тетрадь, торопливо положил её на учительский стол.

— Чижов, ты всё? — Инесса Викторовна лишь удивлённо вскинула брови. — Это же важный для поступления тест... Неужели не хочешь проверить?

Пацаны что-то шипели ему в спину, девчонки из параллельного математического класса томно вздыхали, кто с завистью, кто с упрёком, но он их уже не слышал — в голове, словно часовой механизм, тикали секунды, уменьшая отведённое ему время.

Небрежно махнув головой, он выскочил за дверь, в прохладу пустынного коридора, и уже никого не стесняясь, со всей скоростью рванул к выходу из школы.

Хорошо, что каникулы ещё, малышня под ногами не носится.

На ходу застёгивая оранжевую куртку, он выбежал из здания школы, ещё раз взглянул на часы: 12:45.

— Романыч! — за спиной послышался топот и гомон голосов. — Ты куда? Погнали тусить к Пашке!

Это Горыныч, Пашка и Санёк, пацаны из его класса, друзья.

«Только вас мне здесь не хватало!» — ругнулся про себя Ромка. Отрицательно качнул головой:

— Парни, не сейчас! Я вас вечером догоню! — махнул рукой и помчался к остановке, на ходу посматривая на стрелки: 12:49. Чёрт! Может не успеть.

— Романыч, мы у Пашки тогда. Подруливай! — орали ему вслед. — Вот чума-пацан. Вечно так с ним...

Но он уже заскочил на подножку уходящего с остановки автобуса. Пластмасса дверей хрустнула, но пустила его внутрь под неодобрительными взглядами пожилого водителя, бабушки и молодой мамочки с ребёнком.

Ромка прижался портфелем к инфракрасному окошку, загорелась зелёная стрелочка, и турникет наконец пропустил его в салон. Он прошёл подалее от любопытных пассажиров и плюхнулся на мягкое сиденье у окна. На мгновение закрыл глаза. Затих, переводя дух.

В лицо ударил яркий, но всё равно холодный луч январского солнца. За окном проплывали грязные бока легковушек, торопливо суетились маршрутные такси, на переходах сновали пешеходы, сумрачно поглядывая друг на друга. Ромка качал головой в такт уходящим секундам, то и дело поглядывая на часы.

12:55. Четырнадцать минут на автобусе. Плюс шесть минут от остановки до дома. Две минуты — пешком на третий этаж. Одна минута — открыть дверь. Итого двадцать три минуты. А у него всего двадцать одна. И то если повезёт.

Какой-то придурок резко затормозил около автобуса и, кажется, задел его.

Альтераты. Миссия для усопших

Бли-и-ин! Только этого не хватало. Сейчас начнутся разборки, гаишники. У него нет времени на всё это. Ни секунды.

Он подскочил, забросил портфель на плечо и с силой ударил по кнопке принудительного открывания дверей. Механизм, хоть и не с первого раза, но подчинился, двери медленно поползли в стороны.

— Ненормальный!

— Псих! — кричали ему вслед, но он, поскользываясь на тонкой ледяной корке, рванул прочь.

Итак, на автобусе надо было проехать четырнадцать минут, он проехал четыре. Сейчас 12:59.

Ещё десять минут ехать. А бежать сколько?

Чёрт! Чёрт!

Если бежать примерно сорок четыре километра в час, то можно сократить недостающую минуту...

Сорок четыре километра в час! Это ж двенадцать с хвостиком метров в секунду!

Это кто ж так бегают?

«Усейн Болт¹ так бегают. Но на короткой дистанции. А мне семь километров с таким бежать... Или сдохну, или добегу».

Ромка взглянул на часы. 13:00.

Какие-то там, то ли американские, то ли английские учёные посчитали, что человек может

¹ Усейн Болт — ямайский легкоатлет, восьмикратный олимпийский чемпион и одиннадцатикратный чемпион мира в беге на короткие дистанции. За время выступлений установил восемь мировых рекордов.

бегать шестьдесят пять километров в час. Может теоретически. Но никто ещё не бегал.

«Может, не надо было, — мелькнуло в Ромкиной голове. — А мне надо».

И он помчался дальше.

Уже забегая во двор своего дома, он ещё раз мельком взглянул на часы. 13:13.

«Ого! Я только что сделал Усейна Болта!» — радостно взвизгнуло в голове, и Ромка взлетел по ступенькам на третий этаж.

Перескакивая пролёты, распахивая на ходу куртку, он притормозил у своей двери, только в эту секунду понимая, что, кажется, забыл ключ...

Он его обычно укладывал во внутренний карман, под «молнию», держал на длинном шнурке, чтобы не потерять вот в таких случаях. А вчера его отнял отчим.

Этот гад потерял свой комплект и отобрал его, Ромкин: «Тебе, сосунок, ещё рано свои ключи иметь».

И сейчас у него осталась одна несчастная минута, он стоит под дверью своей квартиры, почти достигнув безопасного места.

Но почти не считается.

Романа бросило в холодный пот.

Начинается...

Дрожащей рукой он дотронулся до кнопки звонка, сам не зная, на что рассчитывает.

В тишине спасительного коридора раздался переливчатый трезвон, который уже уходил из

Альтераты. Миссия для усопших

Ромкиного сознания куда-то в мутную темноту, терялся в надвигающемся ватном полусне.

Краешком уцелевшего сознания он почувствовал, что дверь отворилась. Чьи-то руки поймали его, падающего, и втянули в прохладу квартиры, уложили или посадили куда-то.

Он уже не понимал.

Голову перехватило тугим ремнём. Ромка читал давно, ещё классе в четвёртом, книжку про индейцев. Там писали, что те казнили злодеев, ну и бледнолицых, конечно, вот таким способом — плотно затягивали на голове размоченный кожаный ремень и оставляли несчастного связанным на солнце. Палящие лучи постепенно подсушивали ремень, тот сжимался, стягивался, медленно сдавливая череп. Пока тот не треснет. Ромке казалось, что он попал в руки воинственных индейцев. Впрочем, как и обычно.

Это его расплата.

Перед глазами проплывали чёрные, зелёные, кобальтово-синие круги, медленно разрастаясь из точки прямо перед Ромкиными глазами и методично сменяя друг друга. В призрачном полумраке он видел свои бледные руки, скрюченные судорогой и хватавшие что-то цветное.

Тело не понимало, где находилось, что делало, дыхание срывалось на сиплый свист. Ромке казалось, что он проваливается в размытый синево-колотец, на блестящих от воды стенках которого, словно приговор, светился текст решённой друзьям задачи.

Евгения Кретова

И пасмурное лицо деда.

А да, цветная тряпка, за которую он судорожно хватался, — это дедова любимая байковая рубашка, в ней его и хоронили.

Кусочком, нанометром сознания он чувствовал, как его мозг теряет контроль над телом: оно сотрясается, извергая из себя всё новые и новые порции утреннего завтрака, остатки самоуважения, превращая его из человека в тупое животное, жалкого червяка, достойного лишь брезгливого отчуждения.

Достигнув своего пика, судороги стали медленно отступать. Чёрно-синие круги перед глазами тускнели, теряя болезненность очертаний и методичность головокружительных вращений.

В этот раз повезло. Кожаный ремень на голове оказался некрепким, лопнул на мгновение раньше его черепа.

Ромка усмехнулся. «Хрен вам с редькой, краснокожие, а не скальп благородного капитана!»

Чернота вокруг рассеивалась.

Глава 2

Хрусталёва, 27

— Лера, Лерочка!!!
Густой пар в ванной. Испуганное лицо мамы.

— Лера, что случилось? Тебе плохо? — Мама перевернула её на спину, подложила что-то мягкое под голову, укрыла лоб прохладным, растирая онемевшие руки дочери. — Потерпи, милая, «Скорая» уже едет...

— Мама, зачем «Скорая»? — Лера попробовала сесть, но мама силой уложила её назад.

Девушка оглянулась: она лежала в ванной на полу, прозрачная занавеска с дельфинчиками наполовину оборвана, несколько полок снесено вме-

сте с тем, что на них было, вывалившийся из душевой кабины шланг неистово залил всё кругом, наверно, сейчас соседи прибегут жаловаться.

Но вместо соседей появились врачи в толстых тёмно-синих комбинезонах, с большим оранжевым сундуком в руках. Её переложили на диван в холле, долго мерили давление, слушали сердце, светили в глаза, простукивали, похлопывали. В итоге сделали укол и велели спать.

Сквозь надвигающуюся пелену Лера слышала, как мама звонит на работу и предупреждает, что завтра приедет позже — дочь заболела. А потом в глубине сонного марева осталась только та темноволосая, в длинной ночной сорочке и с печально-требовательным взглядом.

Лера проснулась внезапно, выныривая из тревожного безвременья. Мама дремала рядом, почувствовав движение, тут же подскочила к дочери:

— Ты как?

— Нормально я, мам, правда. — И Лера, повинувшись мягкому, но повелительному жесту, снова опустила голову на подушку. Она осторожно взглянула на часы: половина двенадцатого ночи. Из кухни доносился аромат свежесваренного цейлонского чая и ванили, от которых крепло чувство защищённости.

— Что случилось-то? Ты упала? — Мама придвинулась ближе.

Лера отрицательно покачала головой, мучительно соображая, что сказать матери. И та поняла.

— Что: ОПЯТЬ? — всхлипнула мама, медленно оседая в кресло.

Альтераты. Миссия для усопших

Её и без того озабоченное лицо стало серым, а глаза наполнились слезами. Лера кивнула.

— Не так, как обычно, мам. Вообще всё иначе. Я была в душе, и тут смотрю — рядом со мной женщина незнакомая, темноволосая такая, и глаза у неё то ли печальные, то ли испуганные. Я из ванной выхожу и оказываюсь не в нашей квартире, а где-то в другом месте. И вокруг — пепелище. И эта темноволосая прямо рядом со мной оказалась, говорит мне...

— Говорит? — У мамы округлились глаза.

— Да, только её так плохо слышно было, будто она не рядом со мной стояла, а в сотне метров.

Мама испуганно прошептала:

— И что она тебе сказала?

У Леры холодок пробежал по спине, когда она вспомнила лицо той темноволосой. «Найди его!»

Кто этот дядька, интересно? И вообще, что произошло? Уходя от расспросов, Лера сделала вид, что засыпает.

Мама, подождав несколько минут, вышла из комнаты. Девушка облегчённо вздохнула и села, прогоняя образ странной темноволосой незнакомки прочь. Сунула ноги в дурацкие тапки в виде слоников, резко встала и... оказалась на кладбище...

«Господи! Да как же это!» — Лера огляделась по сторонам: аккуратные ряды крестов, украшенные неестественно яркими цветами тёмные оградки, обелиски, прикрытые от любопытных глаз заиндевевшими берёзами и пушистыми елями. Вид торжественный и печальный.

Рядом с ней, всего в полуметре, тоскливо поскрипывала приоткрытая калитка. Четыре гранитных памятника, потускневшие венки, погасшие лампадки, слегка присыпанные снегом. Лера пригляделась.

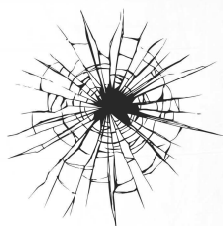
С портрета на неё смотрела улыбающаяся молодая женщина: тёмные длинные волосы разметались на ветру, светлые глаза чуть прищурились, мягкая, светлая улыбка озаряла лицо. У Леры всё похолодело внутри: это та самая женщина, что привиделась ей несколько часов назад... Это её могила.

Девушка бросила взгляд на соседние могилы: светловолосая девочка лет семи, пацан с немного угрюмой улыбкой, на вид лет тринадцати-четырнадцати, и малышка совсем, годика полтора, в смешном кружевном чепчике. Лера шагнула ближе, приглядевшись к табличкам: Селивёрстова Татьяна Ивановна. И Селивёрстовы же Артём, Маргарита и Алёна. Они все умерли в один день — 17 мая, чуть более трёх лет назад.

Лера поняла, что не может дышать. Женщина на фотографии будто ожила, чуть повернула к девушке голову, беззвучно прошептала: «Найди его».

— МАМА! — заорала Лера что было сил и поняла, что снова находится в комнате.

Вот мягкий и удобный диван, вот ковёр и наряженная к Новому году ёлка. До неё доносился аромат цейлонского чая и ванили, только больше он не вызывал чувство защищённости.

Впервые нечто непонятное и необъяснимое с ней произошло в пятилетнем возрасте. В тот день она читала книгу и увидела, как мимо прошла девочка. Смешная такая, с тощими косичками и бантами из коричневой капроновой ленты, в цветастом ситцевом халатике. Просто спокойно прошла, не обращая на Леру ни малейшего внимания. Но ощущения страха и холода навсегда запомнились.

Потом, уже десятилетняя, Лера стала слышать странные голоса, шёпот и шумы по ночам, особенно в грозу. Тогда они с мамой не на шутку перепугались. Ходили к врачу — Ивану Саввичу, толстому дядьке в круглых очках и со смешными усами, как у почтальона в мультике. Тот прописал кучу таблеток, сказав, что у неё стресс, переутомление и гормональный сбой, дал направление на физиопроцедуры.

Голоса стали тише, но не исчезли.

Лере жутко не хотелось пугать маму, опять пить эти противные таблетки, от которых мутнело в голове и она чувствовала себя растением. Поэтому она сказала, что ей стало лучше, и больше не заговаривала на тему странных образов, приходивших к ней в полутьме.

Около года назад, ещё на старой квартире, они с мамой смотрели какой-то непонятный фильм: тягучая музыка, запутанный сюжет, невесть откуда взявшаяся героиня, которая оказалась не героиней, а её двойником-клоном, — Лера откровенно скучала.

Вдруг девушка заметила, как около неё возникла небольшая воронка, словно крохотный смерч. Оттуда вышла освещённая лунным сиянием женщина в длинном кружевном платье и медленно направилась к стене. Лера провожала её взглядом и, видимо, так вылупилась, что это не осталось незамеченным.

— Лер, ты чего там увидела? — прошептала мама рядом, вглядываясь в пустоту тёмного угла.

Лера от неожиданности подпрыгнула и вскрикнула:

— Я? Нет! Ничего!

И в этот момент полупрозрачная фигура, почти скрывшаяся в стене, резко остановилась и обернулась. Удивлённо, словно сама только заметила сидящих людей, она внимательно разглядывала Леру. Та шарахнулась к окну, по пути перевернув журнальный столик.

— Лера! Что случилось?! — закричала мама. А незнакомка, не отрываясь, следила за девушкой, потом в её полупрозрачных глазах мелькнула то ли радость, то ли какая-то идея, она качнулась и растаяла в дымке.

С тех пор Лера старалась не оставаться одна, спала со включённым светом, до бесчувствия смотрела фильмы и сидела в соцсетях, лишь бы отключиться и не слышать ничего: с того вечера

Альтераты. Миссия для усопших

её не покидало ощущение, что до неё кто-то пытается достучаться, дотронуться холодными влажными руками.

Бывает, твой телефон «вне зоны доступа», но ты всё равно знаешь, что тебе звонят, и ты беспокоишься.

И вот сейчас, видимо, «дозвонились»...

По спине сползал змеем холодок. Только сейчас, увидев фотографию темноволосой женщины, Татьяны Селивёрстовой, Лера отчётливо поняла, КТО она, и та женщина в кружевах, и девочка в ситцевом халатике. Все они ДУХИ, призраки... Она, Лера, видела и слышала давно умерших людей.

И вот теперь одна из них хочет её руками что-то сделать. Кого-то найти.

И видимо, не отпустит, пока Лера этого не сделает.

— Татьяна, ты здесь? — прошептала Лера в темноту, изнемогая от любопытства и страха.

Под рёбрами что-то томительно ухало, обрываясь. Что, интересно? Сердце? Действительно, похоже, что падает в пятки.

Затылком девочка почувствовала знакомый уже холодок. Она оглянулась: рядом с ней стояла Татьяна, всё такая же сосредоточенная, напряжённая и испуганная.

— Это была твоя могила?

Медленный кивок.

— Кто эти дети? Артём, Маргарита и Алёна?

Стон, похожий на крик. Лицо Татьяны подёрнулось плёнкой, мерцание поблёкло.

— Это твои дети? — продолжала допрос Лера.

Она сама не знала, откуда у неё взялась сила. Сердце бешено колотилось, руки похолодели и покрылись испариной, коленки дрожали. Но она понимала, что должна знать больше. И ещё, что у неё есть право спрашивать, а эта несчастная женщина обязана отвечать. И Татьяна едва заметно кивнула.

— Ты хочешь, чтобы я нашла того толстого дядьку?

Женщина с силой стиснула зубы, подняла на Леру глаза, полные слёз и ненависти, и снова кивнула.

— Где я его могу найти? — Лера спросила и поняла сама, что ответа на этот вопрос не получит — если бы Татьяна знала, она бы и сама его нашла. Поэтому задала другой вопрос, который её беспокоил даже больше. — Что будет со мной потом? Я не хочу попасть в психушку, выполняя ваши поручения. Ты же не одна там такая, которой кто-то зачем-то нужен здесь?

Темноволосая женщина покачала головой и задумалась.

— Я не пуцу, — прошептала она наконец.

— То есть я помогаю тебе, а ты меня охраняешь от других просьб?

Татьяна кивнула. Это Лере вполне устраивало. Она кивнула в ответ и улыбнулась:

— Я тебе помогу. Найду этого борова.

Татьяна прищурилась. Она подняла руки и протянула Лере белого плюшевого медвежонка, того самого, с пожарища, девушка его хорошо запомнила.

Альтераты. Миссия для усопших

— Это ему. Когда найдёшь.

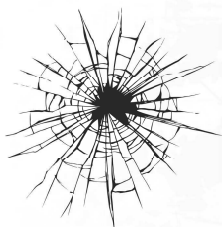
И растаяла.

Лера устало опустилась на диван. Её било мелкой дрожью, подташнивало, суставы нещадно ломило, холодный пот струился по побледневшему лицу. В этот момент в комнату заглянула мама.

— Лерочка! Да ты вся горишь! — запричитала она, укладывая дочь в постель, теплее укутывая пушистым пледом ноги. — Вот и сразу стало ясно, откуда этот бред про призраков... Ты просто больна, моя милая! У тебя жар. Вот и всё...

Лера не стала спорить. Сил не было. В конце концов, если это всё сейчас закончится, то пусть мать так и думает, её это успокоит. Меньше всего Лере хотелось причинять боль родному человеку.

И она позволила себя уложить, напоить тёплым чаем с мёдом и лимоном, послушно выпила микстуру. Мама, увлечённая заботой о ребёнке, даже не заметила белого пушистого медвежонка, жалобно притулившегося в углу дивана.

Возвращающееся сознание подсказало, что сидит он на полу, в луже чего-то очень зловонного. Он вздохнул в надежде, что это не то, о чём он подумал.

Напрасно.

То.

Оно самое.

Дерьмовое дерьмо.

Ромка открыл глаза, чертыхаясь и автоматически глядя на циферблат. 13:20.

Это длилось четыре минуты.

А кажется, что целую вечность.

— Ромочка, ты жив! — рядом с ним возникло какое-то движение: это из дальнего конца коридора с тазиком и мокрым полотенцем бежала тётя Даша, соседка. — Слава богу! Ты меня так напугал!

Ромка хотел подскочить, но поскользнулся в луже и с грохотом растянулся.

— Тётя Даш, я сам, я всё уберу! — заорал он так, что бедная женщина присела. — Я всё уберу! Сам! Только матери ничего не говорите.

— Вот те раз, — всплеснула руками соседка.

— Не трогайте ничего, я всё сам, пожалуйста. — Он жалобно посмотрел на пожилую женщину. — Тётя Даш, пожалуйста.

Она лишь развела руками, с сомнением поглядывая на его бледное лицо.

— Ну, ладно, ванная в конце, по коридору. А я пока чай поставлю. — И суетливо побежала в сторону кухни, что-то бормоча и приговаривая: — Совсем замордовали детей своей учёбой!..

Она ушла хлопотать, специально не закрыв за собой дверь и то и дело тревожно выглядывая в коридор.

Альтераты. Миссия для усопших

Но Ромка не рассиживался. Он неловко сбросил с себя испачканную рубашку, скрутил её в комок. Быстро вытер линолеум приготовленной тряпкой. Дошлёпал, покачиваясь, до ванны, сменил воду и вытер всё начисто.

— Тётъ Даш, ванну можно приму? — проорал он и, услышав что-то одобрительное, закрыл дверь на щеколду, разделся и сунул в раковину грязную одежду, бельё.

Всё тщательно выстирав, он долго отжимал одежду, резко стряхивал с неё облака мелких капель.

Потом аккуратно расправил рубашку, брюки, повесил на батарее, а сам полез в душ.

«Блин. Четыре минуты. С каждым разом всё дольше и дольше», — сокрушённо покачал головой Ромка. От мысли, что когда-нибудь это может дойти до получаса, его передёрнуло.

В дверь тихонько постучали.

— Да, тётъ Даш, я нормально! — крикнул он. — Я уже выхожу.

И резко выключил кран.

— Ромочка, — из-за двери голос соседки совсем походил на старушечий, — я тут одежду тебе сухую приготовила, на ручку двери снаружи приладила, ты её надень.

— Да я всё выстирал, тётъ Даш!

— Вот и хорошо, пусть просохнет. Глажанём и наденешь, как новенькое! Иди чаёвничать!

«Классная всё-таки старушка!»

На кухне парня ждали белоснежные кубики в хрустальной сахарнице, старомодные кружки

с позолоченными краями, блюда, большой пирог с ягодами, варенье в маленькой пузатой пилке. Тётя Даша, видно, внучку в гости ждала, вот и наготовила.

— Тётъ Даш, ну зачем вы! — Язык сокрушённо причитал от избытка внимания, а желудок подгонял ближе к столу. После приступа он, как обычно, был жутко голоден.

Пока Ромка уплетал пирог и варенье, тётя Даша налила ему крепкого чая и положила в него несколько ложек сахара.

— Не надо! — запротестовал было парень, но соседка со знанием дела подняла бровь и поставила перед ним кружку.

— Рассказывай, — велела она.

Ромка застыл.

— Чего? Чего рассказывать?

— Давно это у тебя? — Она кивнула в сторону коридора, хотя и так было ясно, о чём речь.

Ромка положил кусок пирога на место. Вытер руки о полотенце.

— Да ерунда это, тётя Даша. Даже говорить не о чем! Первый раз такое... Траванулся небось шаурмой...

— Не ври! — шёпотом сказала соседка, да так, что он шею втянул. — Рассказывай как есть.

«А что ей говорить? Про кожаный индейский ремень или про круги?»

— Ты что-то употребляешь? — вместо него начала «угадайку» тётя Даша.

— Нет, вы что!

Альтераты. Миссия для усопших

— Куришь?

— Нет, не понравилось... Да и не то всё это, тётя Даша.

Она смотрела с таким внимательным участием. Или пироги эти на него так подействовали. Захотелось рассказать как есть.

— Ничего такого.

— Вот верю я тебе, Роман, — вдруг кивнула соседка, — верю. Знаю, отличник. Мать на тебя не нарадуется.

«Ну, насчёт матери — не знаю, радости не замечал».

— Не то это всё, — проговорил он вслух и посмотрел в окно. Мелкий снежок крутился по ту сторону стекла. — Понимаете, это расплата.

— Расплата?

— Да, именно. Я с четырёх лет вижу какие-то цифры, знаки, формулы, могу решить любую задачу, разобрать по полочкам любой чертёж. Даже когда ещё не понимал ни слова, ни сути задания, безошибочно выдавал ответ. Вот просто знал — и всё. Ни способов решения, ни механизмов не знал. Даже названия формул не знал. А ответ — пожалуйста, выдавал. Отец, когда ещё жив был, проверял.

— Вундеркинд, что ли? — с сомнением уточнила тётя Даша.

— Нет. Вундеркинды знают ответ, потому что много учатся, запоминают и умеют решать быстрее других. Они понимают, что делают. У них способности, помноженные на тренировку. А мне просто приходит ответ.

Евгения Кретова

— На блюдечке с голубой каёмочкой? — усмехнулась соседка. Ромка усмехнулся следом.

— Почти угадали. — Он постучал по лбу указательным пальцем. — Вот здесь всплывает прозрачная доска, а на ней синим светящимся мелом написано. Только ровно через тридцать шесть минут после сеанса начинается вот такая свистопляска.

Тётя Даша вздохнула и отошла к окну, тоже разглядывая резвящиеся снежинки.

— Прости, Роман, не верю. Такого не может быть...

— Почему?

— Не может — и всё! — отрезала сердобольная соседка и сердито отхлебнула чай.

— Хорошо, давайте докажу!

— И снова начнёшь кататься тут у меня по полу?! Нет уж, уволь!

— То есть вы всё-таки верите?

Тётя Даша шумно вздохнула:

— Ой, не знаю я, Рома! Я ведь тебя помню вот с такого возраста, — она развела ладони сантиметров на пятьдесят, — с рождения тебя помню. И никогда ничего такого не замечала — хороший, вежливый мальчик, иногда чуточку болезненный. А тут ты мне про видения какие-то толкуешь...

— Сколько денег у вас в кошельке, знаете? — неожиданно спросил Ромка.

Соседка опешила и смутилась:

— Не знаю... Есть немного. Тебе сколько надо?

— У вас в кошельке семьсот тридцать два рубля. Проверяйте!

Альтераты. Миссия для усопших

Тётя Даша, поджав губы, достала сумку, вытащила из неё кошелёк и села перед Ромкой за стол — считать.

Она долго переключивала монеты, несколько раз сбивалась и начинала заново.

— Сколько у вас получилось?

— Семьсот тридцать один рубль...

— Должен быть ещё один рубль.

— Ну, значит, ты ошибся. — Соседка удивлённо пожала плечами.

Ромка протянул руку к пустому кошельку:

— Разрешите?

— Да, конечно...

Он перевернул кошелёк, слегка встряхнул его. На стол, вопреки его ожиданиям, ничего не выпало. Тогда он заглянул в отделение, в котором обычно хранится мелочь, и аккуратно провёл пальцем по шелковистой подкладке.

В его руках блеснул серебром рубль.

— Феноменально, — всплеснула руками соседка. — Как ты угадал? Это фокус какой-то, да?

— Нет, я просто знаю, тётя Даша. Это просто. Вот смотрите ещё, — он протянул пожилой женщине телефон, — позвоните своей внучке, Каринке. Она сейчас делает математику и не может решить задачу, поэтому и не едет к вам. Задача звучит так: «В зоопарке есть голуби, воробьи, вороны и синицы — всего двадцать тысяч птиц. Синиц на две тысячи четыреста меньше, чем воробьёв, ворон в десять раз меньше, чем воробьёв, и на четыреста меньше, чем голубей. Сколько

голубей, воробьёв, ворон и синиц живёт в зоопарке?»

Тётя Даша набрала номер внучки.

— Здравствуй, Кариночка!.. Уроки делаешь?.. Математику задали? — протянула она и бросила короткий взгляд на Ромку. — И что, сложная задача? Так-так...

По тому, как округлялись её глаза, Ромка понял: она верит.

— Скажите Карине, что надо решать через уравнение. Ворон икс, воробьёв десять икс, голубей икс плюс четыреста, а синиц десять икс минус две тысячи четыреста. Всего двадцать тысяч птиц. Если всё правильно посчитает, то ворон у неё окажется тысяча.

Через минуту тётя Даша положила трубку.

— И что, никогда не было сбоев и ошибок?

Ромка отрицательно покачал головой.

— Я всё проверяю. Математику и физику я люблю и понимаю, вы же знаете.

— Учиться тебе надо, Рома. Учиться. Ты сейчас в десятом?

Ромка кивнул.

— Я в техникум хочу. При МГУ. Но мать против...

Тётя Даша похлопала его по руке.

— Я с ней поговорю. Что-нибудь да придумаем.

Ромка нахмурился:

— Не надо ничего придумывать, тёть Даш. Я сам как-нибудь. — От одной мысли, что скажет

Альтераты. Миссия для усопших

мать, узнав, как он разоткровенничался с посторонним человеком, всё внутри сохлось. — Не надо ни с кем говорить, ладно?

— Может, я всё-таки чем-то смогу помочь?

— Нет, я сам. — Он неловко помолчал. — Пойду я, тётъ Даш. К матери на работу надо ехать, за ключами.

Он тихо встал и направился к выходу.

Чуткая соседка только печально качала головой, глядя в сутулую спину подростка.

Глава 3

Дар / проклятие (нужное подчеркнуть)

13 января

Утром Лера чувствовала себя гораздо лучше. Всё-таки мысль, что не будет больше этого противного холодка по спине, этих шёпотов и стонов, придавала ей сил и уверенности.

Пока мама, думая, что дочь крепко спит, убежала в аптеку, девушка включила ноутбук и забила поисковый запрос: «Татьяна Селивёрстова». Поисковик выдал кучу ненужных страничек из соцсетей.

Альтераты. Миссия для усопших

Тогда Лера уточнила, забив свой нынешний адрес с пометкой «происшествия».

Оказывается, домик-то у них беспокойный. За последний год он упоминался в СМИ с таким тегом трижды: драка с поножовщиной, ограбление и, батюшки мои, убийство на бытовой почве в соседнем подъезде! Прямо «нехороший» дом у них. И это всё при наличии круглосуточной охраны, датчиков и тепловизоров! Да и жильцы в доме относятся к разряду «благополучных».

Но информации о Татьяне Селивёрстовой не было.

В памяти всплыла, словно подсказка, золотая табличка с чёрного обелиска. Лера забила в поисковик дату. И почти сразу наткнулась на страшное сообщение.

«Жуткая трагедия произошла прошедшей ночью по адресу... — Тут Лера поняла, что адрес её нынешнего дома отличается буквой «а» от адреса Татьяны. — В пожаре, возникшем в частном доме, погибла молодая женщина с тремя несовершеннолетними детьми. По предварительным данным, произошёл взрыв бытового газа. Отец семейства в настоящее время находится в больнице, его увезли накануне с приступом острого аппендицита, и по счастливой случайности его не оказалось дома в момент трагедии. — Леру передёгнуло на словах «счастливая случайность», странные представления о счастье у автора заметки. — Журналистов к нему не пускают.

Как сообщили нам в следственных органах, семья не состояла на учёте в качестве неблагопо-

лучной, погибшая Татьяна С. работала в аптеке, её супруг и отец троих погибших детей работает водителем автоколонны 2278 нашего города.

По факту гибели четырёх человек возбуждено уголовное дело».

И фотографии того самого дома, в котором девушка оказалась вчера: обугленные, выжженные дотла стены, изуродованные огнём игрушки. Лера помнила эти кастрюли, эти куски чудом уцелевших обоев.

Ошибки быть не может. Это тот самый дом.

Лера до тошноты ощутила удушье, запах гари и жуткого, ничем не поправимого горя. Перед глазами вновь поплыли покорёженные карнизы и фрагменты черепицы.

Она взглянула на белого медвежонка.

Там, на пожарище, он был совсем чистый. Может, его принесли позже? Она взяла его в руки.

Пальцы утонули в мягком мехе, а по рукам потянулся холодок. Лера прикрыла глаза.

Тёплый вечер окутал её. Она оказалась в комнате с низким потолком, старенькими, местами отошедшими от стены, изрисованными детскими наивными каракулями обоями. Запах кипячёного молока с мёдом и гречневой каши. Детская кровать, переброшенное через спинку одеяльце с розовыми слониками. Продавленный диван в углу. На нём сидит, насупившись и уставившись в учебник, мальчик лет четырнадцати. У Леры часто забилося сердце. Артём Селивёрстов.

Рядом с ним, на связанном из лоскутков круглом аляпистом ковре устроилась с куклой его се-

Альтераты. Миссия для усопших

стра Маргарита. Она сосредоточенно застёгивала на платье любимицы пуговку, сопя и простуженно шмыгая носом. Артём на неё не обращал внимания, иногда тревожно прислушиваясь к происходящему в коридоре. Лера подошла к двери и тоже прислушалась.

Женский голос, испуганный и сдавленный. И ещё мужской, угрожающий.

— Я вас предупредил, Татьяна. Вы испытываете терпение и моё, и моего шефа.

— Я ничего не хочу знать ни о вас, ни о вашем шефе! Мы вам сказали уже раз сто, наверное, дом не продаётся. Оставьте уже нас в покое, в самом деле!

— Я оставлю... оставлю. Только зря вы так, Танюша!

— Да какая я вам «Танюша»! Я вас чуть ли не вдвое старше! — вспылила женщина. Лера услышала шум, возню там, за дверью. Артём тоже напрягся и привстал.

— Слушай, ты, старая карга, — Лера едва различала слова в этом зловещем шёпоте, больше похожем на шипение, — мне по барабану, что ты там о себе думаешь. Я тебе сказал — срок вышел! С вами хотели как с нормальными людьми договориться, деньги предлагали, а вы... Короче, лахудра, я тебе так скажу: и для тебя, и для твоих выродков лучше будет, если уже сегодня ночью вас здесь не окажется, поняла?

Какой-то стук, что-то с грохотом разбилось в коридоре, Артём бросился к двери. Но выйти не успел, в комнату проскользнула испуганная

Татьяна с заплаканным лицом, по которому чёрными ручейками растеклась дешёвая косметика. Она сжала сына в объятиях так, что у того, наверно, половина костей сломалась.

— Мам, ты чего? — бормотал парень. — Чего он хотел, этот дядька...

— Ничего, ничего, — в иступлении шептала женщина, отстраняясь от сына и невидящим взглядом осматривая комнату. Её обезумевший взгляд остановился на игравшей на полу дочери. — Маргоша, ты почему не спишь?

И снова начала отрывисто бормотать, перехватывая тонкими руками горло:

— Ничего, ничего... Ничего они не сделают, это наш дом... Паша договорился... Они не посмеют.

— Мам, это кто был? — Артём насупился и уставился на мать.

Та под его взглядом вроде немного пришла в себя, перестала лихорадочно суетиться и заставила себя улыбнуться:

— Да никто, Тёмушка, так, человек один. Ты его не знаешь.

— А чего ты тогда так всполошилась? — Он пригляделся к матери и дотронулся до её скулы. — Он что, ударил тебя?!

Татьяна дотронулась до щеки, словно стирая неприятные воспоминания, и снова заметалась по комнате, бросаясь то к одному ребёнку, то к другому, словно прячась за заботой о них от страшного.

Лера посмотрела на белоснежного медвежонка, повисшего в её похолодевших руках.